

Глазунов Николай Геннадьевич

РЕВОЛЮЦИЯ КАК РЕЖИМ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Статья посвящена анализу революции, которая рассматривается как особый режим трансформации социальной системы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 51-56. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

32. **Преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский:** сборник статей. М.: Русский издательский центр; Иосифо-Волоцкий ставропигиальный мужской монастырь, 2011. 288 с.
33. **Просветитель или обличение ереси жидовствующих: творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого.** Изд-е 3-е. Казань: Типолиитография Императорского университета, 1896. 551 с.
34. **Роль православной церкви в истории России:** круглый стол // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 84-106.
35. **Солнцев Н. И.** Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII-XIX веков: монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. 200 с.
36. **Тарасий.** Милюков и ученое шарлатанство: основные начала и развитие русской культуры. Почаев: Типография Почаево-Успенской Лавры, 1907. 40 с.
37. **Татищев В. Н.** История российская с самых древнейших времен. М.: Императорский Московский университет, 1768. Кн. 1. Ч. I. XXVIII + 224 с.
38. **Толстой М. В.** Рассказы из истории Русской Церкви. Изд-е 7-е. М.: Издание книгопродавца А. Д. Ступина, 1901. 630 с.
39. **Федотов Г. П.** Святые Древней Руси. М.: АСТ, 2003. 700 с.
40. **Филарет (Гумилевский).** История Русской Церкви: период первый: от начала христианства в России до нашествия монголов: 988-1237. Харьков: Университетская типография, 1849. 270 + XII с.
41. **Филарет (Гумилевский).** История Русской Церкви: период третий: от разделения митрополий до учреждения патриаршества: 1410-1588 гг. Изд-е 2-е. М.: Типография В. Готье, 1851. 256 с.
42. **Флоровский Г. В.** Пути русского богословия. Изд-е 3-е. Париж: YMCA-Press, 1983. 599 с.
43. **Христофор (Смирнов).** Поучение, сказанное при посещении города Волоколамска в соборе 6 июля (1890 года) // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1890. Ч. 46. Кн. 4. С. 337-341.
44. **Шмидт С. О.** Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки. М.: Наука, 2005. Вып. 8 (126). С. 296-363.
45. **Andreyev N.** Review // The Slavonic and East European Review. 1962. Vol. 40. № 95. P. 537-540.

**IOSIF VOLOTSKII IN SPIRITUAL-HISTORICAL SCIENCE OF THE XIXTH –
THE BEGINNING OF THE XXITH CENTURY: MAIN HISTORIOGRAPHIC TENDENCIES**

Dmitrii Aleksandrovich Vinokurov
Department of History of Russia
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
vinokurovda@mail.ru

The different aspects of researching the activity of Iosif Volotskii in the context of the development of spiritual-historical science of the XIXth – the beginning of the XXIth century as a specific area of history knowledge are considered in the article. The main peculiarities of the presentation of Iosif Volotskii image in the works of church historians, the determinants of the changes in the assessments of Josephitism at the different historiographic stages, the subject matter connection with the sociocultural development of historical epoch are shown.

Key words and phrases: spiritual-historical science; historiography; Josephitism; money-grabbing; Russian Orthodox Church; ideology.

УДК 316.423.3

Статья посвящена анализу революции, которая рассматривается как особый режим трансформации социальной системы.

Ключевые слова и фразы: революция; политическая революция; социальная революция; социальная система; изменение качества; режим; управляемость социальными процессами.

Николай Геннадьевич Глазунов, к. филос. н.
Самарский институт – высшая школа приватизации и предпринимательства
nickglazunov@mail.ru

РЕВОЛЮЦИЯ КАК РЕЖИМ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ®

Понятие «революция» является, пожалуй, одним из самых широко употребляемых в общественных науках. С началом Нового времени, особенно после грандиозных социально-экономических и политических потрясений, связанных с английской революцией XVII в., французской и американской революциями XVIII в. и революциями XX в. (особенно русской и китайской), сам феномен революции попал под пристальное внимание социальных исследователей.

За прошедшие столетия понимание сущности революции значительно углубилось. Так, например, очевидцы английской революции чаще всего ограничивались фиксацией происходивших событий, не вскрывая их фундаментальных причин. С течением времени в исследованиях, посвященных европейским революциям

XVII-XVIII вв., стал анализироваться более широкий комплекс проблем: формирование нового социального слоя – буржуазии – претендующего на более значимую роль в экономической и политической жизни страны; противоречия внутри правящей элиты, факторы собственно экономического характера и т.п. В этой связи нужно особо отметить работы Ф. Гизо, Ф. Минье, А. Тьера и О. Тьерри.

Однако уже в середине XIX в. в общественных науках наблюдается предельно расширительное толкование понятия «революция»: археологи говорили о «неолитической революции»; описывая бурный рост английской экономики, многие исследователи, в частности К. Маркс и Ф. Энгельс, использовали понятие «промышленной революции». В XX в. в научный оборот активно входит понятие «научно-техническая революция», не говоря уже о «революциях» в мире моды, межличностных взаимоотношениях и т.д.

Таким образом, чем более активно использовалось понятие революции, тем меньше определенности, отличающей его от других обществоведческих понятий, оставалось, так как анализ феномена революции «отрывался» от своего традиционного социального контекста.

Предельно расширительному толкованию понятия «революция» более всего способствовал, пожалуй, И. Кант, обозначив перевороты, имевшие место в античной математике, в естествознании эпохи Ф. Бэкона и физике времен Г. Галилея, не иначе как «революцией в способе мышления» [3, с. 15-16]. Следовательно, все глубокие интеллектуальные сдвиги, имевшие место в истории человеческой мысли, Кант обозначает понятием «революция». Подход Канта имел многочисленных последователей, в результате чего собственно социальные исследователи оказались в крайне затруднительном положении: качественное своеобразие революции применительно к социальным наукам «размывалось», что затрудняло использование данного понятия и его отграничение от других близкородственных понятий. Фактически любой социальный мыслитель, используя данное понятие, неизбежно сталкивается с проблемой дефиниций: что такое революция? Каковы ее «квалификационные» признаки?

Ввиду того, что понятие «революция» активно используется в естественных и социальных науках для характеристики достаточно широкого класса явлений, необходимо специально отметить, что в данной статье речь будет идти исключительно о *социальной* революции.

Как правило, при изучении феномена революции основное внимание уделяется либо социальным аспектам проблемы, либо политическим, в зависимости от того, что исследователь рассматривает в качестве доминанты. Примечательно, что Маркс, один из самых авторитетных теоретиков в данном вопросе, в отличие от своих многочисленных последователей, четко осознавал, что революцию невозможно однозначно охарактеризовать только как социальное явление или только как политическое явление. Революция затрагивает все сферы жизни общества: «Каждая революция разрушает *старое общество*, и постольку она *социальна*. Каждая революция низвергает *старую власть*, и постольку она имеет *политический* характер» (курсив – К. Маркс) [7, с. 448].

В западноевропейских и американских исследованиях политическая революция понимается как переворот, изменяющий тип власти (форму правления) и не затрагивающий экономических основ общества [8, с. 76]. В советском обществознании все понималось принципиально наоборот. Политическая революция рассматривалась как своеобразный итог всех изменений, подготовленный экономическими, идеологическими и прочими факторами. Советская философия воспринимала политическую революцию как составной элемент социальной революции. Именно социальной революции, вслед за В. И. Лениным, уделяли преимущественное внимание отечественные социальные исследователи. Давая предельно общую характеристику социальной революции, Ленин писал «...революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном...» [5, с. 222]. Восприятие революции как непременно коренного изменения, ведущего к изменению характера этого общества, глубоко укоренилось не только в отечественной науке, но и получило широкое распространение в западной научной литературе [1, с. 148].

Анализируя феномен революции, перспективную концепцию предложил З. Бауман. Он выделяет два вида революций: политические революции и системные революции. По его мнению, большинство революций имеют исключительно «политический характер», они освобождают социальную систему от имеющихся политических ограничений, препятствующих дальнейшему развитию как собственно политической системы, так и общества в целом.

Системная революция – понятие более широкое. Системная революция не ограничивается демонтажем существующей системы и изменением способа управления. «Системные революции, кроме того, влекут за собою... изменение социально-экономической структуры...» [11, р. 16]. Как следует из характеристики, данной З. Бауманом системной революции, его понимание данного явления близко понятию социальной революции, которое на протяжении всего XX столетия активно использовалось учеными-марксистами и означало «совокупность коренных экономических, политических и идеологических изменений в процессе становления нового общества» [8, с. 124].

Традиционные подходы к изучению революции, устоявшиеся в науке, периодически дополняются новыми вариантами раскрытия данной проблемы. Так, А. П. Сафронов выделяет такой вид революции, как управляемая революция. В его понимании, революция может иметь два основных сценария развития событий: насильственный вариант и мирный вариант, он же управляемая революция. По мнению данного исследователя, «управляемая революция избегает физического насилия и террора, а если и прибегает к нему, то выборочно и эпизодически» [9, с. 122].

Анализируя схему, предложенную Сафроновым, необходимо отметить, что такие понятия как «управляемая революция», на наш взгляд, лишь запутывают дело. С одной стороны, автор желает подчеркнуть фактор радикальных изменений, для чего используется понятие революции, с другой стороны, подчеркивается фактор управляемости, недопущение анархии и полного крушения социальных институтов, социальных связей, общественных идеалов и норм поведения. Данный подход представляется нам контрпродуктивным, ибо теряется понятийная четкость и исчезает сама возможность каких-либо обоснованных дефиниций.

Попытки дать определение понятию революции достаточно часто связаны с обращением к другому важному обществоведческому понятию – понятию прогресса. Революцию нередко характеризуют как прогрессивное изменение, призванное преодолеть устаревшие формы организации социальной жизни, заменив их новыми, более соответствующими достигнутому уровню развития общества.

Понимание прогресса как восходящего развития (а революция мыслилась как один из ключевых этапов этого восходящего развития) своими корнями уходит, безусловно, в традиции эпохи Просвещения, когда вера в возможность рационализировать исторический процесс была практически безгранична. Об этом свидетельствуют труды практически всех «титанов» Просвещения: Вольтера, Ш. Монтескье, Д. Дидро, Д'Аламбера, И. Канта. Пожалуй, лишь Ж.-Ж. Руссо не разделял увлечения идеей всеобщей рационализации индивидуальной и общественной жизни.

Однако практика французской революции, достаточно быстро перешедшая от рассуждений о правах человека и гражданина к массовому террору во имя «народа», заставила усомниться в правомерности отождествления революции с прогрессом. Развернутая критика теоретических установок революции и их практической реализации была дана уже в XVIII в. Э. Бёрком. Говоря о социальных процессах, О. Конт предлагал отказаться от понятия «прогресса», заменив его на понятие «эволюция». По мнению Конта, использование понятия эволюции позволяет анализировать социальные процессы более объективно, избегая ярко выраженной субъективно-оценочной составляющей, свойственной понятию прогресса. Благодаря позитивистам и их последователям, в западной научной литературе понятие «прогресс», как правило, используют, характеризуя развитие науки и технологий, но избегают применять его к вопросам политики, идеологии и общества в целом. Пожалуй, единственным исключением в данном вопросе являлись последователи К. Маркса и В. И. Ленина, которые, напротив, очень активно использовали данное понятие для характеристики тех или иных аспектов экономической, политической, социальной и духовной сфер жизни общества.

Учитывая познавательную нечеткость и дискуссионность понятия прогресса, исследователи революции одновременно опираются на более доказательный критерий, а именно, на изменение качественных характеристик социальной системы. Так, марксисты чаще всего рассматривали революцию сквозь призму диалектического закона перехода количественных изменений в качественные.

Революция – это, в первую очередь, безусловно, изменение качества. О революции говорят, когда хотят подчеркнуть радикальный качественный скачок. Вместе с тем, история знает множество примеров, когда революция, принципиально изменявшая качество социальной системы, оборачивалась не новыми горизонтами социального прогресса, а явственным *регрессом*: понижался уровень организованности общества, социальные институты утрачивали присущие им функции; осуществлялся возврат к более примитивным политическим и экономическим институтам; а в мировоззренческом плане наблюдался откат к идеям и учениям, свойственным более ранним историческим эпохам.

Вышеотмеченные характеристики мы можем обнаружить, проанализировав, например, революцию «красных кхмеров» в Камбодже, унесшую жизни одной четвертой части населения за четыре года и отбросившую страну в эпоху натурального хозяйства; революции в Северной Корее и Китае, спровоцировавшие существенное отставание данных государств во второй половине XX в. от наиболее развитых государств мира, Советскую Россию эпохи «военного коммунизма» и т.д.

Когда мы говорим о революции, единственное, что бесспорно, это вопрос качественного изменения всей социальной системы или ее элементов. Действительно, революция всегда несет с собою коренные качественные изменения. Но непременно ли любой скачок, свидетельствующий об изменении качества, можно считать революцией? Как показывает практика, принципиально новое качество может появиться при сохранении целостности социальной системы и управляемости социальными процессами. Об этом свидетельствуют радикальные качественные изменения, которые можно наблюдать в Китае с 1979 г. Правление Дэн Сяопина и его преемников Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао продемонстрировало, что качественные изменения, порой имея ярко выраженный скачкообразный характер, могут не подрывать стабильности социальной системы, не нарушать связей между социальными элементами и не препятствовать исполнению ими своих функциональных задач.

Таким образом, мы оказываемся в тупиковой ситуации. Связывая феномен революции с законом перехода количественных изменений в качественные, мы обнаруживаем, что радикальные качественные преобразования порой не сопровождаются разрушением существующих социальных структур, но, вместе с тем, изменение качества вовсе не обязательно имеет социально позитивный характер и может приводить к деградации социальной системы.

Еще более запутывается ситуация, если учитывать, что фактически до конца XIX в. понятие эволюции использовалось в обществоведческой литературе в качестве синонима понятия развития и лишь на рубеже XIX-XX вв., преимущественно в работах марксистов, эволюцией стали обозначаться количественные изменения, не приводящие к изменению качества системы. Следовательно, для фиксации одного и того же явления –

динамики социальных процессов – одновременно использовались как достаточно общее и идеологически нейтральное понятие *развития*, так и более идеологизированное понятие *эволюции* (для марксистов свидетельствующее исключительно о количественных изменениях) и уже окрашенное ярким идеологическим цветом понятие революции (как смены качества).

Исходя из вышесказанного, нам представляется неоправданным рассмотрение количественных и качественных изменений как неперенных показателей эволюционных или, соответственно, революционных процессов.

Научное постижение революции невозможно без понимания причин, как ее важнейшего параметра. Как правило, для того чтобы отличать революцию от заговора, путча и тому подобных явлений, ее неизменно ассоциируют с широким участием народных масс. «Революцию, – подчеркивал Ленин, – могут делать только массы,двигаемые глубокими экономическими нуждами» [6, с. 238]. Тезис Ленина о доминирующем влиянии экономических факторов в процессе подготовки и развития революции не является бесспорным. Многочисленны исторические примеры, когда решающее значение в революции играли факторы национального свойства, религиозного, идеологического и т.п. Однако в вопросе участия масс в революционных событиях ленинскую точку зрения уже в наше время поддерживает крупнейший английский социолог Э. Гидденс. Он выделяет три условия, без которых, по его мнению, революция немыслима: в революции присутствуют массовые социальные движения; революция ведет к широкомасштабным реформам или изменениям и революция предполагает угрозу насилия или его применение со стороны массовых движений [2, с. 568].

Примечательно, что в данной характеристике Гидденс, говоря о причинах революции, избегает традиционного противопоставления революции и реформы и говорит о том, что реформы могут быть *следствием* революции. Позиция Гидденса, на наш взгляд, – это показатель того, что один из ведущих социальных мыслителей современности не считает возможным все многообразие путей социального развития сводить к дихотомии «революция – реформа».

Относительно причин, провоцирующих революционный взрыв, в настоящее время в науке установилось относительное согласие. Так, П. Н. Милоков, крупнейший отечественный историк и политический деятель начала XX в., следующим образом определял причины любой революции: во-первых, в обществе ощущается настоятельная потребность в крупной политической или социальной реформе; во-вторых, власть противится мирному решению назревшей проблемы; в-третьих, власть теряет возможность действовать принудительно; в-четвертых, – презрение к власти, господствующее в обществе [8, с. 82]. Как видим, мнение П. Н. Милокова, в принципе, очень близко ко взглядам его политического оппонента В. И. Ленина, который в своем хрестоматийном определении писал о признаках революционной ситуации: «1) невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; ...чтобы “низы не хотели”, а ...”верхи не могли” жить по-старому; 2) обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов; 3) значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс...» [4, с. 218].

Изучение революции неизбежно приводит к анализу насилия как способа реализации кризисного потенциала, накопившегося в обществе. На наш взгляд, устоявшееся в социальных науках представление о насилии как своеобразном квалификационном признаке революции необоснованно. В данном вопросе существенен характер, формы насилия. Реформы, как и революции, также могут сопровождаться насилием, но это насилие может быть обязательно физическим, но и экономическим, идеологическим, информационным и т.д.

Среди исследователей нет единого мнения относительно роли насилия в революции. По мнению английского ученого А. Коэна, нельзя говорить о революции, если происходящие изменения укладываются в нормы существующей правовой системы. Если, например, в результате выборов власть перейдет в руки новых социальных групп, которые начнут легальные социально-политические изменения, существенно изменяющие первоначальные государственные структуры, то эти изменения нельзя характеризовать как революционные [12, р. 11]. Как видим, Коэн исключает возможность ненасильственной революции, даже если происходящие изменения будут радикально отличаться от исходной ситуации. Для Коэна революция и сохранение существующих социальных институтов немыслимо.

Противоположную позицию занимал К. Ясперс. Он допускал легальный характер революции, более того, именно этот сценарий социальных изменений представлялся ему наиболее предпочтительным. В этой связи Ясперс писал: «...под легальной революцией я подразумеваю действия без насилия, без применения оружия, действия, в которых используются средства, не запрещенные Основным законом. Легальная революция – это процесс, в котором народ своей волей и мышлением добивается признания и участия, осознания обстановки истинной судьбы и истинного риска» [10, с. 173-174].

Из характеристики Ясперса следует, что, говоря о легальной революции, исключающей насилие, он хочет подчеркнуть две важнейшие для него мысли. С одной стороны, используя понятие революции, он указывает на глубинные, качественные изменения, отличные от изменений, не приводящих к качественным сдвигам. С другой стороны, для Ясперса важно сохранить целостность существующей социальной системы и не допустить ее краха, что приведет к попранию прав личности, что для него совершенно недопустимо, так как личность, ее права и свободы для него всегда являлись первичной ценностью, а воля масс вполне может быть выявлена посредством выборов. Подход Ясперса нам также представляется тупиковым, ибо в его характеристике революции вновь исчезает специфика данного феномена.

Принципиально другой подход к оценке роли насилия в процессе социальных преобразований демонстрировали марксисты, преимущественно советские обществоведы. Вслед за Лениным, который рассматривал реформы лишь как побочный продукт революционной борьбы, советские исследователи видели в

революции основной способ преобразования классового общества, способ, который неизбежно сопровождается насилием. Революционный путь преобразования общества предполагал, в первую очередь, смену правящего класса. Рано или поздно произошедший переворот получал юридическое оформление своих завоеваний, в первую очередь, закрепление нового расклада сил в сфере собственности. Таким образом, мы можем констатировать, что насильственная революция в качестве своих неизменных атрибутов сопровождается практически одномоментной сменой властвующей элиты и созданием новых конфигураций взаимодействия в рамках новой элиты, а также сменой форм собственности и владельцев этой собственности. Пожалуй, нет нужды доказывать, что данные процессы, по определению, не могут обойтись без насилия.

Итак, подводя итоги вышесказанному, мы считаем, что необходимо отказаться от рассмотрения революции сквозь призму закона перехода количественных изменений в качественные, вне зависимости от того, являются данные изменения по своему характеру «прогрессивными» или «регрессивными». В этой связи представляется более перспективным воспользоваться понятием *режима*. Это позволит избежать методологических тупиковых рассуждений о качестве как отличительном признаке революции.

Революция – это режим протекания процессов в обществе, вступившем в стадию радикальных социально-экономических и политических преобразований. Для революции, как режима протекания социальных процессов, одной из первичных проблем является проблема *управляемости* данным процессом. Именно потеря управляемости, сопровождающаяся нарастанием энтропийных процессов в социальных структурах, является, по-нашему мнению, одним из основных признаков социальной революции.

Анализируя реальные социальные процессы, нельзя не заметить, что по глубине и радикальности преобразований некоторые реформы не уступают революции, однако при сохранении целостности социального агрегата и управляемости протекающими процессами. Именно сохранение властью контроля над социальными процессами и наличие механизмов воздействия на них позволяет даже самые радикальные качественные изменения социальной системы характеризовать как реформу, а не как революцию.

Что является ключом к сохранению управляемости социальными преобразованиями? Одним из таких факторов может являться система права, которая не дает никаких преимуществ никому из действующих субъектов, а обеспечивает равные условия для эффективной самореализации индивидов, общественных объединений и предпринимательских сообществ. «Норма позитивного права, – отмечал исследователь проблемы управляемости социальными преобразованиями А. П. Сафронов, – является ключом управляемых перемен» [9, с. 119].

В этой связи, примечателен опыт Китайской Народной республики. Когда в 1989 г., в результате тьяньаньмэньских событий, возникла реальная опасность, что проводимые реформы потеряют управляемость, власть очень жестко вернула ситуацию под контроль и до 1992 г. отложила новый этап реформ. Три года руководство Китая потратило на анализ допущенных ошибок и подготовку новых реформ.

Любым реформам предшествует анализ проблем, с которыми сталкивается государство и осознание, как правило, правящей элитой необходимости реализовать некий комплекс структурных реформ. Реформа, и в этом ее непереносимое отличие от революции, имеет определенные цели, более или менее детально разработанный план мероприятий, ответственных исполнителей и т.п. Революция неизбежно сопровождается потерей управляемости социальными процессами, у власти отсутствуют механизмы влияния на социально-экономическую и политическую ситуацию или они оказываются недостаточно эффективными для того, чтобы справиться с нарастающими энтропийными процессами. Разумеется, ни о какой программе социальных преобразований в условиях революционного режима преобразования социальной системы не может быть и речи.

Вторым фактором, позволяющим разграничивать революцию и реформу, является фактор *времени*. Как правило, реформы осуществляются в течение достаточно продолжительного промежутка времени. Речь может идти даже о десятилетиях (например, китайские реформы длятся уже более тридцать лет; российские, если говорить только о постсоветском периоде, – двадцать лет и т.д.). Революционные события, наоборот, протекают стремительно, в предельно сжатые временные рамки. Так, Россия в 1917 г., в течение всего лишь полугода, «успела» пожить в условиях монархии, при либерально-буржуазном Временном правительстве и большевиках, установивших «диктатуру пролетариата». Пожалуй, большего разнообразия политических режимов, правовых систем и социально-экономических укладов за столь краткий исторический промежуток не переживала ни одна страна в мире. По сходному сценарию разворачивалось большинство известных нам социальных революций.

Исследование революции всегда будет актуальной проблемой для социальной философии, ибо это не только научная проблема, но и фактор, способный оказывать огромное влияние как на условия жизни людей, так и на само существование общества. Любая революция продолжительное время вызревает в недрах общества, и своевременное распознавание ее симптомов, глубинное понимание революционных процессов есть путь к сохранению стабильности социальной системы, потеря которой, как правило, оплачивается колоссальными человеческими жертвами.

Список литературы

1. **Большой толковый социологический словарь (Collins):** в 2-х т. / пер. с англ. М.: Вече; АСТ, 1999. Т. 2. 528 с.
2. **Гидденс Э.** Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
3. **Кант И.** Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
4. **Ленин В. И.** Крах II Интернационала // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 209-265.

5. Ленин В. И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Там же. 1977. Т. 44. С. 221-229.
6. Ленин В. И. Плеханов и Васильев // Там же. 1968. Т. 14. С. 234-240.
7. Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссак» «Король прусский и социальная реформа» // Маркс К. Собрание сочинений. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 430-448.
8. Назаров Ю. Н. Социальная революция как система (методология анализа). Иваново: Референт, 2005. 192 с.
9. Сафронов А. П. Структурная реформа как вид «управляемой» революции (социально-философский аспект) // Вопросы гуманитарных наук. 2005. № 3. С. 119-125.
10. Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы / пер. с нем. А. Гутермана и В. Иванова. М.: Международные отношения, 1969. 224 с.
11. Bauman Z. A Revolution in the Theory of Revolution? // International Political Science Review. 1994. Vol. 15. № 1. P. 15-24.
12. Cohan A. S. Theories of Revolution: an Introduction. Lancaster, 1975. 248 p.

REVOLUTION AS SOCIAL SYSTEM TRANSFORMATION MODE

Nikolai Gennad'evich Glazunov, Ph. D. in Philosophy
Samara Institute – Higher School of Privatization and Entrepreneurship
nickglazunov@mail.ru

The article is devoted to revolution analysis which is considered as the special mode of social system transformation.

Key words and phrases: revolution; political revolution; social revolution; social system; quality change; mode; social processes manageability.

УДК 34

Статья раскрывает содержание понятия «подразумеваемое условие о непрерывном ведении коммерческой деятельности» в сфере аренды при многофункциональных комплексах недвижимости. Основное внимание уделяется изучению материалов судебной практики США, анализу дифференцированных подходов в решении вопроса ответственности арендатора за приостановку или прекращение операционной деятельности и характеристике критериев, на которые опираются суды при вынесении решения о нарушении подразумеваемого обязательства.

Ключевые слова и фразы: подразумеваемое обязательство о непрерывном осуществлении коммерческой деятельности; общие принципы применения подразумеваемых условий; арендная плата; разрешенное использование недвижимости; правомерное противодействие конкуренции.

Денис Петрович Гречко

Кафедра гражданского и трудового права
Российский университет дружбы народов
dnsgrchko@gmail.com

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА АРЕНДЫ В СИСТЕМЕ КОММЕРЧЕСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ: ОПЫТ США[©]

Российская Федерация, в отличие от стран Запада, имеет небольшой опыт цивилизованно-рыночной торговли. Только в середине 90-х годов, благодаря частной инициативе, на смену продуктовых и вещевых рынков пришли специализированные торговые комплексы как разновидность коммерческой недвижимости. Сравнительно короткий период развития рынка коммерческой недвижимости объясняет недостаточную разработанность правовой базы регулирования арендных отношений при многофункциональных торговых комплексах. Несмотря на то что такой вид аренды законодательно не выделяется, а регулируется общими нормами гражданского законодательства о найме недвижимости, он имеет свою специфику. В свете сказанного, опыт зарубежных стран, в частности США, где рыночные отношения и современные формы торговли возникли почти 100 лет назад, представляет для нас большой интерес.

Итак, опыт США в сфере аренды при торговых комплексах. Материальная или коммерческая часть соглашений об аренде недвижимости не всегда выходит здесь на первый план при согласовании договорных условий. Взаимозависимость, присущая всем участникам арендных отношений в многофункциональных комплексах недвижимости, обусловлена заинтересованностью арендодателя и арендаторов в обеспечении бесперебойного осуществления разрешенной деятельности каждым из нанимателей. Приостановка операционной деятельности одного из арендаторов может существенным образом отразиться помимо арендодателя и на его «соседях». При торговом центре (далее – «ТЦ»), как разновидности специализированного комплекса, каждый из операторов, помимо преследования своей индивидуальной цели – извлечение максимальной прибыли, косвенно заинтересован и в прибыли иных операторов, если только они не являются его прямыми

[©] Гречко Д. П., 2011